

Последствия концлагерного детства

Память даёт нам власть над прошлым и будущим.

Никто не может стереть прошлое из памяти.

27 января 2005г. в Польше прошли международные торжества в память 60-ой годовщины освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау. Выступающие от разных стран и народов говорили, что и сейчас испытывают ужас, возмущение и содрогание от всего, что здесь происходило. Концлагерь Аушвиц не только место памяти, но и вместе с тем место предостережения перед лицом сегодняшних преступлений против человечества.

Президент В. Путин в своём выступлении сказал: “Освенцим взывает не только к памяти. Он взывает к нашему разуму. Здесь, на этой земле, впитавшей кровь и пепел жертв нацизма, мы реально видим, какое именно “будущее” было уготовано рейхом цивилизованной Европе... И мы в ответе за то, чтобы случившееся здесь никогда не повторилось. Никогда, нигде, и ни с кем!”

Проникновенные слова прозвучали и в выступлении Президента Польши Александра Квасьневского: “Мы помним о тех, кто прошёл ад лагеря и доныне испытывает последствия тех истязаний в болезнях, порой в бедности и одиночестве.

Аушвиц-Биркенау предостерегает. Это место – страшная правда о самом глубоком упадке человечности. Наш долг – передать предостережение о чудовищных злодеяниях грядущим поколениям.

Среди нас есть сегодня свидетели событий 60-летней давности. Когда вижу вас, меня охватывает глубокое волнение, восторг и уважение. Я знаю, это вы, хранители этой болезненной памяти, как никто другой знаете цену и необходимость сохранения мира, примирения, прощения. У вас, как ни у кого другого, должны учиться следующие поколения”.

В этом выступлении есть очень глубокие и правильные наблюдения о том, что прошедшие ад концлагерей смерти и доныне испытывают последствия тех истязаний в болезнях и нарушениях психики.

Самой зловещей страницей истории Второй мировой и Великой Отечественной войн являются преступления фашистской Германии и её союзников против безвинных и беззащитных детей, включая младенцев. Результатом этого явились трагические судьбы миллионов детей, шагнувших в самые счастливые годы детства в пекло войны, смерти и ужасов фашистской неволи. Советская наука этим вопросом долгие десятилетия не занималась. И напрасно, так как последствия тех лет оказались и на последующих поколениях бывших узников.

Женщины и дети в лагерях продолжительное время были лишены основных человеческих потребностей в питании, тепле, спокойствии, любви, что вызывало множество физических заболеваний, которые преследовали их и после войны. Это снизило продолжительность их жизни на 10 лет в среднем. Не менее тяжёлыми были психологические проблемы как следствие перенесённых испытаний. Уже в лагере у женщин и детей было потеряно психическое здоровье. Это подтверждает изучение 1250 женских и детских судеб тех, кто оказался жертвами гитлеровской неволи.

Ярким доказательством сказанному являются судьбы тех, кто имел несчастье оказаться в одном из самых страшных лагерей уничтожения Освенциме. Там детей сразу отделяли от матерей и нередко сразу подвергали уничтожению (только в этом лагере уничтожено около 800 000 детей).

Матерей лишили самого дорогого – ребёнка. Это подрывало её силы, делало эмоционально неуравновешенной, замкнутой, с постоянным чувством страха. Никакими словами невозможно выразить, как это отражалось на здоровье детей. Психологи говорят, что такие глубокие психологические травмы практически не поддаются лечению, одно упоминание о прошлом может лишить человека равновесия даже через десятилетия после происходящего.

Для ребёнка разлука с матерью была равносильна потери его связи с самой жизнью, со всем, что происходило вокруг, потери истоков познания жизни. Это отрицательно повлияло на психическое развитие, познание родного языка, привело к трудностям в общении с другими детьми (взрослых рядом уже

не было). Детский лагерь – это ужас одиночества и непонимания, где ты и что происходит.

Мы с сестрой не миновали этой жестокой судьбы. В дошкольном возрасте были вывезены фашистами из партизанского края под Витебском в Освенцим, где глазами маленьких детей видели хладнокровные злодеяния по отношению к нашим близким (маме, бабушке, грудной сестрёнке), которых мы лишились.

Началась жизнь страшная, непонятная, ненадёжная. Надо забыть своих родных, близких, отца, мать, друзей, самого себя. Вместо имени мы получили номера на руке. В Освенциме детей, как и взрослых, клеймили.

Номера на руках нам накололи как только привезли, когда ещё вся семья была вместе. Никто ничего не объяснял, не предупреждал, что будут делать над нами.

Длинные очереди. Стоят семьями. Номер накалывают, начиная со старшего. У женщин свой счёт (пятизначные номера), у мужчин свой (шестизначные). Стою на земле, левая рука поднята вверх, её кто-то держит, кто-то долго и больно колет иголкой. Я безудержно рыдаю.

- Ой, дяденька, ой миленький, не надо делать больно, - жалобно приговариваю я, держась за колено этого мучителя, до которого я только и достаю. Только бы скорей окончилась “эта длинная боль” (видимо, процесс накалывания пяти цифр длительный).

...Когда воссоединили меня на нарах с остальной семьёй (бабушка до этого не дожила), вместе нам оставалось быть недолго.

Однажды при очередном построении на апель (ежедневная поверка) нас, детей, отбросили, как неживые предметы, от матерей и увезли в другой лагерь, где были одни дети. Опять плач, крики, стоны детей и матерей, собаки... Никто не знал, что это последняя встреча в жизни.

Теперь мы оказались в детском лагере в Потулице, в группах детей одного возраста, чтобы не было влияния старших.

Постоянное чувство страха, боли, непонимания, где мы, что с нами происходит, что ждёт сейчас, завтра...

Поскольку мы ещё не владели родным языком, а оказались рядом с детьми других национальностей Советского Союза, у нас постепенно стал вырабатываться новый, искусственный язык. После освобождения красноармеец попробовал беседовать со мной, но с сожалением сказал:

- Для тебя и переводчика не найдёшь...

Страшный итог нашего лагерного опыта – мы были убеждены, что дети и взрослые – два враждебных мира, непримиримых, опасных для детей. Мы не видели нормального человеческого отношения со стороны взрослых, были убеждены, что все они – наши враги, как и фашисты, а детей старшего возраста рядом не было.

Мы и с сестрой не потерялись только потому, что у меня был номер 62084, а у неё 62085. А общения между собой мы не помним. Номера на руках привели нас в один детский дом после освобождения.

После лагерной тюрьмы мы ничего не понимали в окружающей жизни, не могли доверять взрослым, видя в них жестоких врагов, начинали плакать при обращении к нам.

“В Россию” везли нас через Киев, Москву, Рязань. Наш 6-ой вагон попадал в Рязань. Мы страшно испугались, слёзно просили спасти нас и отправить в другое место. Нас не понимали, а мы опасались объяснить, что боимся: в Рязани режут! Итоги концлагерного воспитания... И нас привезли в Саратов, ставший для нас олицетворением Родины.

Детский концлагерь... Что можно придумать более противоестественное в жизни? Есть такое наблюдение, что дети в лагере взрослели быстро и становились похожими на старичков, потому что ничего детского в их жизни не было. У детей брали кровь для немецких госпиталей, для чего отбирали ребят высоких, светлоглазых, светловолосых, это нас спасало от группы детей для опытов.

Ужасная пища, изнурительный труд (для старших), болезни, которые вынуждали постоянно страдать... Дети были истощены до предела. Вспоминаю о себе после освобождения.

... Стою раздетая на медосмотре перед немолодым усатым мужчиной в белом халате. Слышу:

- На кого ты похожа... Что они с тобой сделали?

Я – в слёзы (испугалась), а он успокаивает:

- Не реви! Мы с тобой еще сто лет проживем. Хватит сто?

- Да, - пытаюсь улыбнуться я, искренне веря, что лучше этого человека на свете быть не может.

- Вот откорим вас немного и отправим в Москву к Сталину. Это он нас за вами прислал.

В лагере к еде примешивали разные химические вещества, что приводило к трагическим последствиям для организма не только самих детей, но и на их будущих потомках.

Пребывание в лагере уменьшало продолжительность жизни выжившим узникам.

В лагерях в основе системы воздействия на детей было насилие, постоянный страх наказания. Это непосильное испытание для ребёнка.

Длительное страдание, страх быть сожжённым в печи крематория постоянно давило на психику человека.

И после войны смертность среди бывших малолетних узников вдвое больше, чем в этих же по возрасту других группах населения.

Среди них большой процент одиноких или не ставших матерями. У других росли ослабленные, больные дети. Среди бывших малолетних узников нет и не может быть здоровых людей, это оценка медиков.

После окончания Второй мировой войны никто не думал о необходимости психической реабилитации детей, прошедших концлагеря. Многие из них не устроили личную жизнь, не получили желаемого образования (высшее образование получили 2%, это общепризнанно). Мужчины и женщины вынуж-

дены были скрывать своё прошлое, от которого не могли уйти и после освобождения. Это люди, лишённые лучшей поры жизни – детства и юности.

Только после официального признания нас государством в 1988г. эта категория наиболее пострадавших в годы самой жестокой войны людей получила возможность говорить о своей судьбе вслух в созданных общественных организациях, которые стали вторым домом для одиноких людей. Им очень нужно общение, среди них нет и не может быть здоровых людей. Инвалидность есть у большей части бывших узников, а у тех, без инвалидности, давно нет сил, чтобы “пройти путь к ней” (они из дома не выходят).

Такие невеселые уроки истории. Но они источник жизненной мудрости для новых поколений.

(Использованы фактические данные исследования латвийского профессора Тимошенко Л.Н.)

Председатель Волгоградского
областного отделения
Российского Союза БМУ

Сажина Г.А